

же пьяницах... да воздержатца не токмо сами, но и домашних своих да научают всякому целомудрию и трезвости». Так создавалась вторая редакция «службы кабаку», новая рамка для него, значительно ослабившая прежний резкий тон его: самый текст при этом не потерпел изменений, но он несколько растворился в обширных добавочных статьях, которые возвращают нас к старой привычной точке зрения — пьянство прежде всего грех. Оттого и статьи эти использовали старый материал, иногда лишь переложивши его в новую согласную с модой того времени форму. Опять перед нами мелькают хорошо знакомые образы из переводных поучений против пьянства, из апокрифической, исторической и повествовательной литературы. Эта новая редакция — особый этап в развитии нашего памятника, создавшийся в другой среде, и подлежит поэтому специальному исследованию.

Заканчивая вопрос о воздействии «службы кабаку» на читателя, мы не можем миновать еще один момент. Как уже выше сказано, это была первая из дошедших до нас пародия в московской литературе XVII в. Нашла ли она себе продолжение? Несомненно.

В списках конца XVII и XVIII вв. бытовала повесть о попе Савве. Это история попа, который промышляет безжалостным обиранием ставленников, пропивает все, что они несут ему за поставление, и наконец попадает под суд. Резкая сатира на жадность духовенства заканчивается пародическим «смешным икосом безумного попа». Как и «служба кабаку», этот икос написан в форме церковного песнопения, в данном случае использована форма акафиста с его характерными единоначатиями. Для примера привожу образец из этой пародии (по списку Забелина 536, Моск. Историч. музея): «Радуйся, шелной Сава, дурной поп Саво, Радуйся в хлебе сидя, ставленнически сидне, Радуйся, что у тебя бараденка выросла, а ума не вынесла, Радуйся, глупый попенцо, (непостриженное гуменцо). Радуйся породны русак, по делам вонстинну дурак...» и т. д. И здесь, как в Службе, пародирование представляет не самоцель, а лишь прием для обличения общественного, а не литературного явления.

Пародии на разного рода формы церковной литературы в изобилии мы встречаем затем в XVIII в: самые разнообразные поводы порождали сатиру, и она часто облакалась в это время в хорошо знакомые формы церковной литературы.

На фоне этих литературных фактов особый интерес приобретает и «всецпьянейший собор» Петра Великого. Эта не была индивидуальная затея, не имевшая корней в прошлом: как мы видели, задолго до Петра